

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ И КОМПОЗИЦИИ ОЧЕРКА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «БРАТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью литературно-критического наследия Д. С. Мережковского, которое обычно рассматривается как литературная критика или, в редких случаях, как критическая проза. В этой связи требуется анализ, позволяющий выявить типовое, жанровое и композиционное своеобразие, особенности метода Мережковского на примере исследования его статьи «Брат человеческий».

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования сравнительно-сопоставительного метода, применение которого позволяет сопоставить средства создания образности в художественной и критической прозе Мережковского. Биографический метод позволил выявить причины субъективности в оценках автора. Значимость структурно-описательного метода очевидна в плане изучения особенностей композиции очерка.

Результаты. Исследованы особенности композиции очерка Мережковского «Брат человеческий», определены его жанровая природа, образная структура. Отмечены традиции критической прозы Ф. М. Достоевского, нашедшие продолжение и развитие в критической прозе Д. С. Мережковского.

Выводы. Очерк является мемуарным очерком критической прозы, в котором сильно субъективное авторское начало. Критическая проза Д. С. Мережковского характеризуется использованием сравнений, антитез, обширным цитированием, символикой. Автор создает субъективный образ А. П. Чехова, близкий по своей образной природе к художественному образу, в котором сказываются его религиозно-философские предпочтения.

Ключевые слова: жанровая природа, мемуарный очерк критической прозы, композиция очерка, субъективность Мережковского, общечеловеческий и вневременной контекст, библейские ассоциации.

Е. А. Murtuzalievа

ON THE ISSUE OF THE GENRE AND COMPOSITION OF THE SKETCH BY D. S. MERZHKOVSKY «BROTHER HUMAN»

Abstract.

Background. Relevance of the research is caused by insufficient study of the literary and critical heritage by D. S. Merzhkovsky which is usually considered as literary criticism or, in rare instances, as critical prose. In this regard it is necessary to carry out the analysis allowing to reveal the standard, genre and composite originality, features of the method of Merzhkovsky by the example of research of his essay «Brother Human».

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis of using the comparative-relative method allowing to compare tools of figurativeness in Merzhkovsky's art and critical prose. The biographic method allowed to establish the subjectivity reasons in Merzhkovsky's appraisals. Importance of the

structural and descriptive method is obvious in respect to studying the features of composition of the essay.

Results. The compositional features of the essay by Merezhkovsky «Brother human» are investigated, its genre nature, figurative structure were defined. The author noted the traditions of critical prose of Dostoevsky continuing and developing in Merezhkovsky's critical prose.

Conclusions. The essay is a memoir of critical prose filled with subjective author's principle. D. S. Merezhkovsky's critical prose is characterized by comparisons, antitheses, extensive citing, symbolics. Merezhkovsky creates the subjective image of Chekhov similar by the figurative nature to an artistic image in which his religious and philosophical preferences are reflected.

Key words: nature of the genre, memoir essay of the critical prose, essay composition, subjectivity of Merezhkovsky, general human and extemporal context, Biblical associations.

А. П. Чехов-писатель и А. П. Чехов-человек, пожалуй, оставался в орбите внимания Д. С. Мережковского не меньше, чем Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: начиная с первой статьи критика – «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888) и заканчивая работой «Суворин и Чехов» [1–3]. В своих исследованиях мы уже рассматривали две эти работы Д. С. Мережковского, поэтому в данной статье остановимся на анализе очерка «Брат человеческий» [4].

Эта работа была написана Мережковским в 1910 г., во временной промежуток между «Старым вопросом...» и, по сути, итоговой работой «Суворин и Чехов». Но по своей тональности именно «Брат человеческий» производит впечатление итогового слова критика о Чехове. Думается, потому, что очерк далек от сухого схематизма, привычного для критической манеры Мережковского, хотя и не лишен обычной субъективности.

В очерке очень сильно мемуарное начало, он построен на воспоминаниях о встречах с Чеховым в разные периоды времени, начиная с первого знакомства и до встреч в Венеции и Болонье, в Москве и Петербурге. Мережковский использует иные средства создания образности, больше присущие его художественной манере, поэтому, на наш взгляд, «Брат человеческий» является одним из самых ярких примеров его критической прозы.

Привлекает внимание уже название очерка – «Брат человеческий», которое вводит это произведение в орбиту художественной системы, художественных образов Мережковского, в сферу его религиозных, эсхатологических интересов. Название рождает библейские ассоциации и задает тот общечеловеческий, вневременной контекст, а также ту точку зрения, с которыми критик подходит к осознанию и оценке событий прошлого, настоящего и значению фигуры Чехова для русской литературы и себя лично.

Композиционно очерк делится на три главы, каждая из которых имеет свой идейный центр и вместе с тем работает на раскрытие основной идеи.

Начинается первая глава с воспоминания об одной из встреч с Чеховым, с портретного наброска: «Мягкая меховая шапка гречником, длинная московская шуба, слегка шаркающие калоши и знакомый басок: – Голубчик, хорошо в Петербурге. Люблю я петербургскую литературную среду. Да и вообще хорошо быть русским литератором. Превосходнейшие люди – русские литераторы... <...> – Неужели уж так хороша литераторская жизнь? – говорю я, смеясь. Смеется и Чехов тихонько. Нет, он говорит искренно. В голосе,

в глазах – ирония, но она у него всегда неотделимая от него, и вряд ли он сам ее замечает» [4, с. 247].

Скупые детали, рисующие образ-силуэт, и впечатление говорят о том, что так можно писать только о близком человеке. Следующий эпизод отчасти позволяет понять, откуда берется этот тон. Мережковский вспоминает о своем литературном дебюте – первой статье, вышедшей в «Северном вестнике», – «Старый вопрос по поводу нового таланта». Этот эпизод напоминает нам критическую прозу Ф. М. Достоевского, посвященную В. Г. Белинскому.

Вместе с тем практически сразу в очерке звучат лейтмотив и мысль: «Здесь, в кратких заметках, **мне бы не хотелось говорить о нем как о художнике. Я вызываю в памяти моей человека. Я не был с ним близок** и, конечно, не понимал его в те дни. Требовал того, чего он не мог дать. В молодости мы всегда неразумно требовательны к тем, кого любим. Впрочем, мы с Чеховым были слишком разные люди» [4, с. 246–247].

Образ Чехова складывается у Мережковского из деталей, мельчайших наблюдений, эпизодов воспоминаний о встречах с ним, но эти детали подчас субъективны. Мережковский и З. Гиппиус [5], будучи большими эстетам не только в творчестве, но и в жизни, обращают внимание на такие моменты, которые не вызвали бы никакой реакции, а тем более с негативным эмоциональным подтекстом, у любого другого человека. Из деталей рождается обобщение, из обобщений – образ. Интересные суждения по этому поводу высказывает в своей статье Н. В. Капустин [6].

В эту схему укладываются замечания о «нестандартной» реакции Чехова на красоты Рима и Венеции, отсюда эпизод об интересе Чехова к ценам у итальянских путан, да и вообще все суждения об отношении Чехова к женщинам, вопросу женитьбы и взаимоотношению полов в следующих главах очерка.

Уже в первой главке мы вновь встречаемся с противопоставлением Чехова и Суворина. Мережковский ищет сходство и различие в этих двух лицах, образах. Портретная характеристика Чехова дополняется: «Странно: никогда Чехов не казался мне молодым; и в Венеции, и в последующие годы наших встреч – он был одного и того же возраста, неопределенного, среднего. Он, я думаю, не мог стареть. Конечно, для многих объяснением служит его болезнь, но не случайна же она! Неслучайно и недаром врезана она в его образ: это – часть его души, не только тела. Всегда чуть-чуть опущенный, словно подкошенный, с бледными глазами и бледной бородкой, с русским лицом интеллигента из поповичей, умный, меткий, хитрый и бессознательный, нежный до зябкости и скромный до скрытости, далекий в безвольных мечтах своих, прикрытых постоянной усмешкой, – таков был Чехов, сегодняшний сын сегодняшней России. Он был именно воплощением современности, того мига, когда забыто прошлое, а будущее – только в мечтах, которые все равно не сбудутся на нашем веку. “Через двести-триста лет какая будет жизнь на земле! Какая будет жизнь!..”» [4, с. 248–249]. Далее следует вывод: «Чисто русская мечтательность, современная: она реальна по содержанию, но оттого не менее романтична, бескорыстна, бездейственна. Русский мечтатель всегда безволен, он покорно исключает себя из своей мечты. Она совершится, сама собой, когда нас не будет... Это романтизм сладкого умиления, тихой грусти и неподвижности» [4, с. 249].

Финал первой главы находит развитие и продолжение в остальных двух главках очерка. В этом выводе, на наш взгляд, и кроется причина внутреннего духовного неприятия Мережковским Чехова. К мотивам чисто религиозного характера добавляется неприятие чеховской концепции жизни, чеховской оценки современной действительности и его отношения к будущему России.

Образ Чехова у Мережковского как будто соткан из противоречий. «Читая недавно его письма к родным из Сибири, я все старался вспомнить мельком виденные лица его сестер, матери; не вспомнил; но воздух любовной, простой и теплой нежности в московской квартирке Чехова остался у меня где-то в сердце» [4, с. 249]. Рядом с этими теплыми строками – оценка чеховских пьес: «Чехов испортил «Лешего», переделав его в «Дядю Ваню». Одна сильная фигура превратилась в две слабые. Но слабые люди более свойственны таланту Чехова. А он инстинктивно верен был своему таланту.

Пьеса «Иванов», давно напечатанная в «Северном вестнике» и тогда не замеченная, – может быть, одна из лучших его пьес. **Талант Чехова вряд ли развивался, рос: он – был. Росло внимание к нему, являлись новые понимания Чехова, верные и ложные; а талант как был, так и остался до конца**» [4, с. 250]. Последняя мысль Мережковского представляется нам очень важной, поскольку демонстрирует сложившееся отношение критика к писателю, оценку его художественного дарования. Вспомним известную мысль: талант либо есть, либо его нет. Едва ли можно говорить о каком-то «развитии» таланта, оправданы суждения лишь об эволюции художественного метода, творческой манеры писателя.

Вместе с тем Мережковский высвечивает в образе Чехова не только светное и случайное, какие-то бытовые проявления человеческой натуры, но и очень важное – не глянцевого Чехова, весьма далекого от его классических биографий. В этом плане отчасти манера Мережковского напоминает нам штрихи к портрету Чехова в книге М. П. Чехова «Вокруг Чехова» [7].

Вопрос об отношении Чехова к женщинам плавно перетекает в вопрос об отношении писателя к одной декадентке, встреченной на литературном ужине, и к декадентству вообще. «К нарождавшемуся тогда декадентству в литературе Чехов относился вообще недружелюбно, недоверчиво, но с любопытством. Трезвый и тонкий реализм отталкивал его от дешевой мистики. Он любил слегка вышучивать эту накипь, что было, впрочем, не трудно. Проникать же вглубь – или не хотел, или не мог» [4, с. 250].

Вторая главка заканчивается воспоминанием о Чехове в последние годы его жизни и рассказом о реакции на известие о смерти писателя. Вновь звучит мысль о том, что он, Мережковский, и Чехов неотвратимо разошлись в жизни. «В последние годы жизни Чехова я его не видел. Мы разошлись незаметно и окончательно. Не одно несходство человеческое разделило нас. Я с годами все больше любил его, потому что все больше понимал. Но как бы ни понимал я его мечты – у меня были другие. А люди разных мечтаний всегда расходятся в жизни» [4, с. 250].

Финал этой главы развивает идею финала первой, лейтмотивно подчеркивая мысль о несходстве идеала, мечты и действительности, несходстве коренных взглядов на эту проблему: своих и чеховских.

Даже сама смерть Чехова, как и смерть в те же дни Плеве, по мнению Мережковского, весьма символична, воплощает в себе смерть «мечтательно-

покорной России». Это не значит, что дверь в будущее раскрылась и прошлое побеждено. Именно поэтому и звучит эта мысль в тревожно-вопросительной, риторической форме.

Третья главка очерка начинается с протеста против чествований Чехова при жизни и после его смерти, и этот протест перекликается с протестом Н. К. Михайловского (в статье «Жестокий талант» – Е. М.) против желания некоторых современников, в частности В. С. Соловьева, выставить Ф. М. Достоевского учителем жизни и властителем дум эпохи. Еще одно замечательное в своем роде явление подобного рода промелькнуло у демократов-шестидесятников, с легкой руки В. Г. Белинского пожелавших объявить певцом прошлого, артистом А. С. Пушкина, которого современники Мережковского вообще предложат сбросить «с парохода современности».

«Конечно, не всемирный гений; конечно, не властитель и не учитель. Он – наш равный, рядом с нами стоящий, *обыкновенный человек*, до крайних пределов современный, дитя сегодняшней русской истории. Особый дар Божий позволил ему выразить себя, выявить то внутреннее, что навеки скрыто в безмолвии у других» [4, с. 251]. Как мы уже писали в предыдущей статье, посвященной оценкам Мережковским Чехова, «обыкновенность», «нормальность» последнего были несовместимы в представлении символиста Мережковского с его пониманием гениальности поэта, писателя как существа особого рода, медиума, провозвестника нового сознания.

В третьей главке, вольно или невольно, вновь возникает библейский подтекст, предлагаемый в названии очерка, а возникает он из описания причин приятия Чехова «маленьким человеком», тем самым, который стал главным героем произведений писателя. Чехов воспринимается не только как учитель, но и как брат, «брат человеческий». Но именно такая его популярность и мировосприятие страшат Мережковского, и в этом нам видится что-то парадоксальное, что-то столь же противоречивое, каким предстает и образ самого Чехова у Мережковского, и отношение критика к нему. Чехов – «брат человеческий» в смысле «брат во Христе», но не в смысле «брат-Учитель-Христос».

Мережковский как будто предлагает поставить памятник Чехову и забыть о нем. Как в статье «Суворин и Чехов» он призывал отделить Чехова от Суворина и суворинщины, так и в этом очерке критик призывает отделить Чехова от чеховщины. «Не хотим мы больше утешаться мечтой о жизни через двести-триста лет. Если *мы* не проснемся – не будет этой “хорошей” жизни не только через триста, но и через тысячу лет».

«Но для этого надо сознательно отодвинуть Чехова в прошлое, пережив – перерасти чеховщину. Нежным, любовным молчанием окружить память *брата* нашего, отмеченного печатью истинного Божьего дара, сложить в сердце навеки образ близкого и без боязни стряхнуть его чары» [4, с. 251].

Не случайно на протяжении всего очерка Мережковского, да и в представлениях З. Гиппиус, Чехов предстает человеком «вне времени», вне собственного возраста. Это представление тоже мешает Мережковскому принимать его как провозвестника будущего. Пройдет всего несколько лет, и это будущее, физически осуществившись, покажет волчий оскал «грядущего Хама», вынудит Мережковского уехать из страны. Россия – страна крайностей, а крайности всегда пугают и отталкивают.

Финал очерка Мережковского вполне закономерен и рождается из совокупности рассыпанных в нем идей и тезисов.

«Опять лезут на нас уже не утешающие, проклятые какие-то «триста лет». Опять Чехов делается современным. И это страшно. Но это уже *наша* вина – вина не только перед собою, но и перед ним.

Если он жив и знает теперь *все* (а я в это верю) – он не осудит меня за пожелание братьям и матери-России преодолеть его, сделать его дорогим прошлым, но прошлым, и двинуться от него прочь, дальше – вперед» [4, с. 252].

Как пронизательно отметил А. В. Амфитеатров, «Чехов – один из глубочайших, может быть, глубочайший из русских наблюдателей-объективистов – шел через факт к закону жизни. Он – великий **обобщитель** ее, проникающий и устанавливающий ее органическое единство в прозрачной дифференциации ее явлений. На лестнице этого собирательного анализа он дошел до очень высоких ступеней, – и смею даже утверждать, – до ступеней, трагических для себя самого» [8]. Мережковский всю жизнь сознательно стремился уйти от факта к символу, с его множеством смыслов, нюансов, оттенков значений, т.е. обобщение у Мережковского строилось на принципиально иной основе.

«Брат человеческий», таким образом, является мемуарным очерком, входящим в обиход жанров критической прозы. С этой точки зрения он обладает всеми присущими данному жанру специфическими чертами: образностью, стройной композицией, чем-то напоминающей своей структурой симфонию (с ее многотемностью, сливающейся в финале в одну мощную кодую), балансом между объективным авторским началом и субъективной критической нотой, заданной литературно-критическим кредо Мережковского.

Список литературы

1. **Мережковский, Д. С.** Старый вопрос по поводу нового таланта / Д. С. Мережковский // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подг. Е. А. Андриященко. – СПб. : Наука, 2007. – С. 348–371.
2. **Мережковский, Д. С.** Суворин и Чехов / Д. С. Мережковский // Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. – М. : Книжная палата, 1991. – С. 286–294.
3. **Мережковский, Д. С.** О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подг. Е. А. Андриященко. – СПб. : Наука, 2007. – С. 428–503.
4. **Мережковский, Д. С.** Брат человеческий / Д. С. Мережковский // Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. – М. : Книжная палата, 1991. – С. 247–252.
5. **Гиппиус, З. Н.** Живые лица / З. Н. Гиппиус ; сост. А. Н. Николукин. – М. : Олма-пресс, 2002. – 448 с.
6. **Капустин, Н. В.** З. Гиппиус о Чехове: К вопросу об античеховских настроениях в культуре серебряного века / Н. В. Капустин // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания : сб. ст. / отв. ред. А. П. Чудаков. – М. : Наука, 2007. – С. 176–188.
7. **Чехов, М. П.** Вокруг Чехова: Встречи и впечатления / М. П. Чехов. – М. : Художественная литература, 1959. – 304 с.
8. **Амфитеатров, А. В.** Антон Чехов и А. С. Суворин. Ответные мысли / А. В. Амфитеатров. – URL: http://dugward.ru/library/chehov/amfiteatrov_chehov_suvorin.html

References

1. Merezhkovskiy D. S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoy literatury* [Eternal companions. Images from the world literature]. Saint Petersburg: Nauka, 2007, pp. 348–371.
2. Merezhkovskiy D. S. *Akropol'. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Acropolis. Selected literary-critical articles]. Moscow: Knizhnaya palata, 1991, pp. 286–294.
3. Merezhkovskiy D. S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoy literatury* [Eternal companions. Images from the world literature]. Saint Petersburg: Nauka, 2007, pp. 428–503.
4. Merezhkovskiy D. S. *Akropol'. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Acropolis. Selected literary-critical articles]. Moscow: Knizhnaya palata, 1991, pp. 247–252.
5. Gippius Z. N. *Zhivye litsa* [Live faces]. Moscow: Olma-press, 2002, 448 p.
6. Kapustin N. V. *Chekhoviana. Iz veka XX v XXI: itogi i ozhidaniya: sb. st.* [Chekhoviana. From XX to XXI century: results and expectations: collected articles]. Moscow: Nauka, 2007, pp. 176–188.
7. Chekhov M. P. *Vokrug Chekhova: Vstrechi i vpechatleniya* [Around Chekhov: meetings and impressions]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1959, 304 p.
8. Amfiteatrov A. V. *Anton Chekhov i A. S. Suvorin. Otvetnye mysli* [Anton Chekhov and A. S. Suvorin. Reciprocal thoughts]. Available at: http://dugward.ru/library/chehov/amfiteatrov_chehov_suvorin.html

Муртузалиева

Екатерина Абдулмеджидовна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской литературы,
Дагестанский государственный
университет
(Россия, Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а)

E-mail: fionakati@gmail.com, fiona70@mail.ru

Murtuzaliev

Ekaterina Abdulmedzhidovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of Russian
literature, Dagestan State University
(43a Magomeda Gadzhieva street,
Makhachkala, the Republic of Dagestan,
Russia)

УДК 82.09.001.5

Муртузалиева, Е. А.

К вопросу о жанре и композиции очерка Д. С. Мережковского
«Брат человеческий» / Е. А. Муртузалиева // Известия высших учебных
заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). –
С. 88–94.